

Клепсида

Глава 1. Находка

Противно дребезжащая трель звонка вывела меня из раздумий и я опять оказался в классе за своей партой. Пару секунд спустя металлическая конструкция с двумя «чашками» перестала созывать детей на урок. Я оторвал взор от разложенных передо мной учебников и тетрадей и устало взглянул на вошедшую в кабинет Полину Михайловну – учительницу алгебры. Класс, активно шумевший до этого события, замолк. Предстояла контрольная работа за год, но меня это нисколько не беспокоило, меня вообще перестали беспокоить задания, диктанты, оценки – вообще всё, что относилось к системе контроля и проверки моих знаний. Это потому, что с недавних пор у меня имелся особый секрет, с помощью которого я мог изменить очень многое в своей жизни и жизни окружающих меня людей.

Строгая Полина Михайловна скомандовала убрать с парт всё лишнее и оставить только, сияющие белизной, чистые листки, ручку и карандаш. Она открыла доску, которая была испещрена различными примерами, графиками и функциями, разбитыми на три варианта. Кабинетные часы начали отсчёт «весёлых» сорока минут, которые покажут, кто и как усвоил очередной годовой курс науки о циферках.

Я незаметно сунул руку в свой рюкзак и нащупал там маленькое устройство, размером с ладонь среднестатистического человека. Это была колба с жидкостью, облачённая в металлическую рамку. Я оглянулся на класс, сидевший большей частью за моей спиной – все взгляды уткнулись в доску, посмотрел на Диму, который пребывал в заторможенном состоянии, с выпученными глазами, по правую руку от меня. Кажется, моего одноклассника немного напугали задания контрольной. Потом я сильно сжал колбу рукой. Исчезли звуки, все замерли – время остановилось. Я, не разжимая колбу, огляделся по сторонам: великолепное зрелище! Меня окружали живые манекены, которые не дышали, ничего не видели и не слышали. Я еле сдержался, чтобы не заржать – мои коллеги по школьному цеху застыли в очень забавных позах: кто-то с напряжением ковырял в носу, кто-то грыз колпачок от ручки или чесал задницу. Только прекрасная Наташа, сидевшая в моём ряду, на три парты за моей спиной, так и замерла, улыбаясь своим мыслям. Её волосы зависли в воздухе, так, словно их поймал

в кадр невидимый фотограф и потом продал этот снимок в самый дорогой глянцевого журнал в раздел рекламы средства для идеальной укладки волос.

Полина Михайловна застыла в позе орла, в попытке сесть на свой стул, стоящий за учительским столом. Её большие очки съехали на самый кончик длинного носа, а глаза были едва приоткрыты, время остановилось для неё в момент моргания.

Я, не разжимая колбу, поднялся из-за парты и, неспешно, прогулялся к учительскому столу. Это была не первая остановка времени для меня, поэтому я уже чувствовал себя более менее уверенно. Я знал, что наша Полина Михайловна замечательная женщина, и держит в запортом на ключ ящике своего рабочего стола толстые тетрадки с решением всех заданий по своему предмету. Ключ, открывающий святую святых, лежал в кармане её брючного костюма, я не раз видел, как она отпирала ящик во время уроков и сверялась с тетрадкой и надписями на доске.

Наверное, со стороны всё это выглядело не очень прилично, потому что я обыскивал одежду женщины, которая была меня лет на сорок старше.

«Какой же он плохой человек. Хулиган!», – подумаете вы, – «взял и обшарил карманы своей учительницы, ради того, чтобы не соображать своей головой, а просто, тупо, переписать все решения с её тетрадки в свой листочек».

Что я могу сказать в своё оправдание? Ну, да, я ленив.

Я аккуратно сунул руку в карман костюма Полины Михайловны. И каково же было моё удивление, когда я обнаружил, что карман пуст! Никакого ключа там и в помине не было. Я скривился, но решил не прекращать поиски, изучил остальные карманы пиджака, но и там заветной вещи не оказалось. Меня охватила лёгкая паника – где ещё его искать?..

Я пару раз чертыхнулся и решил вернуться на своё место, чтобы запустить время и выждать нужный момент, в надежде, что учительница сама извлечёт откуда-нибудь заветный ключ. И в этот момент раздался грохот, я подпрыгнул на месте и даже вскрикнул с испугу. Сердце так сильно заскакало в груди, казалось, что оно готово выпрыгнуть через горло наружу. Еле-еле взяв себя в руки, я медленно повернулся на источник шума и увидел, что на полу валяется банка с карандашами и ручками, которая рухнула с учительского стола. Видимо, пока я обыскивал Полину Михайловну,

случайно толкнул стол, и канцелярские принадлежности отправились в свободный полёт.

Делать было нечего, и я принялся собирать вещи обратно в баночку, на моё счастье, она не разбилась и даже не треснула. В левой руке я продолжал сжимать своё диковинное устройство, а правой собирал с пола канцелярию. Я уже знал, как отреагирует колба, если я выпущу её из руки – она опять запустит время. До контрольной по алгебре я всего пару раз останавливал время, один раз случайно дома, второй – после урока физики, два дня назад.

Вы представить не можете моё удивление и радость, когда среди ручек и карандашей, разлетевшихся по линолеуму кабинета, я неожиданно обнаружил ключик от заветного ящика учительского стола. Я заржал, как обезумевший, сладкий вкус победы опьянил моё сознание. Да-да-да, я добился своего! Быстро собрав всё в банку и водрузив её на место, я пробрался к выдвижному ящику, вставил в него ключ, щёлк и готово! В недрах письменного стола лежало сокровище – синяя тетрадь со всеми задачами и ответами на них. «Победа», – решил я, выхватив тетрадку и отправился «решать» контрольную, но оказалось, что я рано обрадовался. Когда пришло время вернуть тетрадь на место, я вдруг обнаружил, что ключ, которым я открыл ящик, просто заклинило в замке. Я не мог его выдернуть и не мог повернуть ни в какую сторону.

«За что мне это?», – простонал я, самый нерадивый ученик на этом белом свете, – «Не к трудовику же бежать за инструментами?».

Мне стало страшно, холодные капли пота потекли по спине. Время стояло, наверное, уже минут двадцать, не меньше, пока я проделывал свои чудовищные манипуляции.

«Что будет, если я выйду из кабинета, и часики снова начнут тикать? Да и вообще», – вдруг осенило меня, – «время я могу останавливать только в отдельно взятом помещении, городе, стране, на всей планете?»

«Хм... Есть над чем подумать», – я отправился к окну, которое выходило над крыльцом школы, выглянул на улицу и спокойно выдохнул, – «Всё нормально».

Абсолютно обездвиженный пейзаж предстал перед моим взором – всего пара прохожих, но и те замерли в причудливых позах, собираясь двигаться дальше по заданной заранее траектории.

Значит, время я останавливаю, как минимум, на расстоянии нескольких сотен метров от эпицентра событий. Не плохо, не плохо... Но новое открытие не решало моей проблемы с заклинившим замком. Тяжело втянув в лёгкие воздух, я ещё подёргал ключ – безрезультатно. Начал шатать его из стороны в сторону, вверх, вниз. Замок издал противный скрежет, и обломок ключика остался в моей руке.

Я громко выругался, проклиная ненадёжную школьную мебель, коменданта и завхоза здания, директора, да и ещё много кому досталось от меня в этой длинной тираде. Спустя несколько минут я успокоился, задвинул ящик в стол, забросил обломок ключа обратно в банку с ручками и пустил всё на самотёк.

Сел на своё место, засунул колбу обратно в рюкзак и выпустил её из руки. В этот же миг все зашевелились, Полина Михайловна опустила на свой стул. Я зарылся в листочек, вооружившись ручкой, и до конца урока делал вид, что усердно решаю контрольную.

Рядом пыхтел мой однокашник и, по совместительству, лучший друг – Дима. По хорошему, мне стоило бы помочь ему справиться с работой, но я опять задумался над своей волшебной находкой. Похоже, пришло время рассказать немного о том, как колба с жидкостью попала в мои лапки.

Кстати, забыл представиться, куда же подевались мои манеры?! Меня зовут Егор Денисов, и я самый обыкновенный молодой человек, юноша шестнадцати лет. И как все юноши этого возраста, я, как вы уже поняли, учусь в самой обычной общеобразовательной школе маленького южного городка, который вы найдёте не на каждой географической карте России. В этом городке, заброшенном, волею судеб людей, его основавшем в семнадцатом веке, все знали друг друга. А школа была единственным учебным заведением на всю прибрежную округу.

Наш городок вытянулся, как кот, греющийся у камина и уверенный, что никто не нарушит его покой, вдоль побережья Чёрного моря. От самого берега и до возвышающихся над ним стеной гор было не более десяти улиц, увенчанных старыми фонарными столбами, которые видели ещё последнего царя и скрипя на ночном ветру, могли поведать об этом прохожим. В таких городках приятно жить на пенсии и играть в нарды на набережной, наблюдая рубиновый закат пламенеющего лета, тонущий за горизонтом в морской пучине бледно-синих вод.

Учиться я не любил, но посещал школу прилежно, никогда не пропускал занятий, на все уроки приходил вовремя и никогда не отлынивал от выполнения домашних заданий. Большинство моих сверстников, уже давно наплевав на учителей, школу и всю систему образования, катались по городу на мопедах, распивая пиво и горланя непристойные песни, вместо просиживания штанов в классных кабинетах.

Три дня назад я созерцал закат, сидя на деревянной лавочке чуть в стороне от группы стариков, бурно обсуждающих последние политические веянья бурных событий уходящего дня. Я смотрел на солнце так долго, что перед глазами прыгали жёлто-красные пятна даже после того, как я отвернулся от моря и отправился по набережной в сторону дома. Я медленно шёл и думал о прошедшем дне. Коря себя за то, что в очередной раз упустил возможность поговорить с Наташей, когда она сама обратилась ко мне по поводу решения какой-то пустяковой задачи на физике. Почему же я отказался сесть вместе с ней на уроке, пока ее подруга Женя пребывала на больничном? Я столько хотел рассказать о своих чувствах этой белокурой девушке с длинными вьющимися волосами! Я мечтал о том, как мы будем вместе ходить гулять к морю, в горы, любоваться закатами и, конечно же, целоваться. Больше всего на свете я хотел сидеть сейчас на лавочке и сжимать в своих руках маленькую ручку Наташи. Но всё портили моё стеснение и страх.

Порой, я стеснялся отвечать на вопросы учителя на уроках, мне казалось, что я буду выглядеть глупо. Иногда, я стеснялся сказать маме, чего действительно хочу, когда она спрашивала меня о пустяковых вещах, вроде, что приготовить на ужин или купить в магазине. Я стеснялся высказывать многие свои желания, боясь показаться дерзким.

Вообще, я боялся очень многого на свете. Страшился расстроить своих родителей, которые пропадали на работе целыми сутками, боялся не выучить урока и быть осмеянным за это; не хотел показаться ботаником или прослыть двоечником; терялся при девочках, которые мне нравились; обходил стороной мальчиков, которые, чисто гипотетически, могли причинить мне вред. Моя голова наполнилась страхами, всё новые и новые фобии приходили ко мне ежедневно и не покидали днями, неделями, месяцами и, даже, годами.

Я шёл по пустынной набережной, приближаясь к её концу. С левой стороны остался большой теплоход, по которому туда и сюда шныряли подвыпившие туристы, только что вернувшиеся с очередной прогулки по волнам. С правой стороны доносилась веселая музыка и дивные песни цыган

из самого знаменитого кафе города, в котором я никогда не бывал, но слышал, что там подают замечательные хачапури в виде «лодочки», попробовать их съезжаются люди со всей страны. Мой друг, Дима, считал это кафе самой главной достопримечательностью нашего городка, так как на втором этаже упомянутого заведения находилось круглосуточное казино. Хотя азартные игры и были под запретом, все в городе знали, где можно пропустить стакан вина, сыграв в рулетку или Блэкджек.

Солнце почти скрылось за горизонтом, и включились фонари, вытянувшие свои круглые белые головы на чугунных ножках. Часть ламп была разбита, другая часть светила очень тускло, так, что их света едва хватало на то, чтобы немного разогнать мрак у подножья фонарного столба. Этот фрагмент набережной был заброшен местной властью, плитки раскололись и раскрошились, лавочки пару лет назад были увезены под предлогом реставрации, и, с тех пор, их больше никто не видел. Тут и там зияли дыры в парапете, кучками лежал мусор, порой подхватываемый игривыми порывами ветра, приходящими с моря.

Я уже собирался свернуть на узкую дорожку, затерявшуюся среди кустов буйно цветущих хризантем, чтобы направить свои стопы на проспект Победы и идти домой, когда вдруг мне показалось, что кто-то или что-то рухнуло в воду. Я остановился и уставился на огромные куски камня, которые больше полутора тысяч лет назад были то ли маяком, то ли крепостью, то ли частью стен древнего города, который сегодня лежит в пучине морской.

«Место-то намоленное», – вспомнились мне насмешливые слова моего учителя истории, когда он на уроке как-то обмолвился о земле, на которой сегодня стоит наш городок.

Набережная была пустынна. Я невольно поёжился, хотя холода не ощущал, просто неприятное чувство охватило всё моё тело. Хотелось побежать сломя голову домой, но в ту же секунду, непонятно откуда взявшаяся, сила воли толкнула меня в сторону руин древнего города. Первый шаг дался с трудом, но чувство холода сразу пропало, и даже стало легче дышать. Я с облегчением почувствовал, как приятен свежий морской бриз и поймал себя на мысли, что мне никогда не было так приятно вдыхать полной грудью ночной соленый воздух.

Я поспешно направился к возвышавшейся над водой каменной башне. На её древних стенах тут и там были намалёваны краской разнообразные

ругательства, имена туристов, решивших увековечить себя таким способом, и даты пребывания последних в нашем городке. Я, не обращая на это внимания, перешагнул через небольшой провал, отделявший набережную от нагромождения камней, и прогулялся по каменной площадке до самого края разрушенной башни. Волны бились и пенились под моими ногами, они приносили кусочки сизых водорослей, пачки из-под сигарет, окурки и прочую дрянь.

Моему взору открывалась безбрежная гладь южного моря. Было тихо. Как вдруг, что-то с плеском рухнуло в воду! Я огляделся и увидел, что совсем рядом с острыми зубьями камней, торчащими из воды, на волнах мерно качаются ошмётки какой-то коричневой одежды или просто куски ткани. И снова, словно чужая воля завладела моим телом, я, как во сне, наклонился над водой и попытался ухватить кусок ткани, колышущийся на гребне волны, когда вдруг среди коричневых тряпок что-то блеснуло. Мои ноги поехали, поскользнувшись на камнях, и я, не успев даже пикнуть, свалился в воду. Рухнул прямо в центр коричневой материи и с испугу начал барахтаться в воде, хватаясь руками за попадающиеся слева и справа камни. Руки скользили по влажной поверхности булыжников, – острые грани резали пальцы.

Я пару раз хлебнул солёной воды, и мне, наконец, удалось зацепиться за выступ более-менее сухого камня и приостановить своё болтание. Я осмотрелся, коричневая материя куда-то делась, зато в руке у меня был зажат какой-то предмет из стекла и металла. В какой момент я успел его схватить? Это так и осталось для меня загадкой. Видимо, это он и блестел, отражая последние лучики солнца. Стало совсем темно, я поднял предмет на уровень глаз и попытался рассмотреть его. Находка была похожа по форме на песочные часы. Вот только вместо песка внутри часов вращалась бурая жидкость. Их колба была облечена в металлическую рамку. Я, недолго думая, зажал зубами одну из частей рамки и попытался вскарабкаться на камень, за который держался. С третьей попытки мне это удалось, хотя и не без потерь. Два ногтя на правой руке так и остались купаться где-то в море, а пальцы заливала кровь.

Я поморщился, к горлу подкатила тошнота. Как только я уселся верхом на камень, первый же порыв ветра прошиб мою мокрую одежду насквозь. По телу побежали мурашки.

«Надо скорее выбираться отсюда», – я, пошатываясь, встал на камень, который был совсем близко к древней башне и набережной. Я в очередной

раз огляделся: было уже совсем темно, и скакать по торчащим тут и там камням было делом не безопасным, но холод толкал меня на это безрассудное занятие. Я, с зажатой в зубах находкой, каким-то чудом, в почти полной темноте, за два прыжка достиг набережной и свалился на колено прямо у самого края парапета, зацепившись за него руками. Подтянулся и переправил своё многострадальное тело на разбитые плитки набережной. Я разжал зубы, и предмет упал мне на грудь.

Я сделал пару глубоких вдохов, подхватил свою находку и бросился по тропинке в сторону дома. Пересёк проспект Победы, чуть не попав под машину, и, пролетев мимо гуляющих туристов, забежал по ступеням крыльца в дом.

Уже находясь дома, я, не снимая ботинок, прошлёпал по лестнице на второй этаж, где находилась моя комната, и в этот момент меня окликнул отец, сидящий внизу в зале у телевизора:

– Сынок, ты чего так поздно?

Я, со скоростью пули, скинул ботинки, носки, шорты и футболку на пол, натянул домашнюю одежду и, оставив свою находку на кровати, спустился вниз к отцу. Всё это не заняло даже полминуты.

– Привет, пап.

Отец оторвался от телевизора, по которому показывали новости и серьёзно посмотрел на меня. Он то ли не заметил моих мокрых волос, то ли не обратил на них внимания. Батя внимательно заглянул мне в глаза и мельком посмотрел на руки. Мой отец, Пётр Иванович, всегда считал своим долгом осматривать меня на наличие следов от иголок – больше всего на свете он боялся, что его единственный сын может стать наркоманом. Синяки от ударов о камни ещё не успели появиться на моих руках, а пальцы, на которых отсутствовали ногти, я спрятал, закрыв другой рукой. Царапины на моих костяшках не привлекли внимание отца, – он просто решил, что его сын дал кому-то из сотоварищей сдачи и даже был этому рад. «Мальчишки должны драться», – считал Пётр Иванович.

Он оглядел меня, улыбнулся и спросил:

– Кушать будешь? Мать ушла к соседке, но всё на плите, – иди, поешь.

Я выдохнул, оказалось, что я не дышал всё это время, пока отец осматривал моё брненное тело. Батя опять уселся у телящика. А я мельком глянул на картинку в экране и увидел, что новости почти подошли к концу и, как всегда, журналисты решили оставить напоследок новость из раздела «невероятно, но факт». Мужчина в дорогом костюме расхаживал посреди пустыни в штате Канзас, и рассказывал о недавней находке археологов – ключе зажигания от автомобиля марки крайслер, который залегал в отложениях возрастом порядка 59-70 тысяч лет до нашей эры. Журналист строил самые бредовые гипотезы о том, что кто-то десятки тысяч лет назад колесил на четырёхколёсном монстре по просторам штата.

– Ну и бред, – протянул я.

Отец словно очнулся, оторвал взгляд от телевизора и ухмыльнулся мне с видом «ты молодой ещё, ничего не понимаешь».

– Может и бред, – начал он, – Ты видел огромные якоря, которые покоятся у нашего краеведческого музея?

Я кивнул, потому что сразу вспомнил огромные чёрные крючья, длиною в несколько десятков метров, которые валялись на улице у здания музея рядом с дольменом и памятной табличкой археолога, фамилию, которого я не помнил, но он что-то открыл в нашем городке в своё время.

– Эти якоря нашли внутри горы, когда пробивали сквозной тоннель для автомобильной дороги. Я тогда ещё пацаном был, когда их в город привезли. И никто, даже яйцеголовые не могли объяснить, как эти якоря оказались в недрах горы.

Я молча слушал батю и кивал.

– А я знаю, – сказал отец и прищурился, словно открывал мне великую тайну, кажется, он даже говорить стал на полтона тише, – это якоря от ковчега, на котором Ной плавал. Понял?! Так что всё это не сказки, а правда, – Пётр Иванович задумался на секунду и потом продолжил своим уже обычным голосом, – Иди, ешь, остынет.

Я быстро сжевал всё, что мне оставили на кухне и после обильной трапезы понял, что безумно хочу спать. Поднялся в свою комнату и рухнул в не расправленную постель, чуть не придавив свою находку.

Глава 2. Учитель физики

Звон будильника вырвал меня из тёплых объятий сна. Всё тело сковала безумная тяжесть, словно все мои члены были залиты свинцом. Я еле-еле открыл глаза, нащупал непослушной рукой скакавшие на тумбе часы и трясущимися пальцами отключил их. Потом откинулся на подушку, немного полежал и, как только почувствовал, что опять засыпаю, резко дёрнулся и сел. Голова немного закружилась, но вскоре комната перестала вращаться, и всё пришло в норму. На полу валялась грязная, но уже высохшая одежда.

Я обошёл её и направился в ванную, где быстро умыл лицо и внимательно взглянул на себя в зеркало. На меня уставилось худенькое, овальное, ничем не примечательное лицо. Курносый нос, тонкие губы, зелёные глаза и взъерошенные тёмные волосы. Я залез под раковину, где располагался ящик, в котором находилась домашняя аптечка, быстро продезинфицировал места на пальцах рук, где вчера ещё находились ногти, и перевязал их марлей. Ещё минут десять пытался причесаться, укладывая волосы то на один, то на другой бок, то делая пробор, то зачесывая назад, пока стук в дверь не прекратил мои старания. Это был отец, который тоже намеревался устроить себе водные процедуры. Оставив волосы в покое, я открыл дверь и прошмыгнул мимо отца в кухню, где долго возился, поедая мамину яичницу и стараясь, чтобы ей на глаза не попались мои перевязанные пальцы.

Моя мама была полной женщиной, с уже седеющими каштановыми волосами, которые она всегда собирала в тонкий хвостик, и с большими выразительными глазами на круглом лице. У неё был добродушный характер и милая улыбка. Пока я ел, она рассказывала про соседей, у которых вчера гостила, и про их дальних родственников, живущих где-то в Сибири, и ещё про что-то в этом роде.

Я еле шевелил челюстями, когда в кухню вошёл отец. Он посмотрел на меня, потом на часы, висевшие над столом, рядом с картиной изображавшей полную тарелку красных яблок, и хлопнул меня по спине:

– Что-то, ты сегодня, как сонный совёнок. Уже полвосьмого, смотри, в школу не опоздай.

Я немного покачнулся от тяжёлой отцовской руки, и это прикосновение возвратило меня к реальности, что-то я и вправду засиделся